

Содержание

1. Точки отсчёта	5
2. Каждый день и всю жизнь	65
3. Спроси с себя строго	215
4. Опыт — лучший учитель	297
5. Истинно честно служить России	359
6. На Родине	429

12+

Литературно-художественное издание

Серия «Медицинский бестселлер»

**Углов Ф. Г.
Под белой мантией**

Ведущий редактор М. П. Николаева
Корректор И.Н. Мокина
Технический редактор Т.П. Тимошина
Компьютерная верстка П.М. Маврина

Подписано в печать 24.12.2018. Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 18,48.
Печать офсетная. Гарнитура Newton. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 112.

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация,
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,
комн. 705, пом. 1, этаж 7
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU
Интернет-магазин: www.book24.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У 25

Фото для обложки предоставлены
МИА «Россия сегодня»

У 25 **Углов, Ф. Г.**
Под белой мантией/ Ф.Г. Углов — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2019. — 480 с. — (Медицинский бест-
селлер).

ISBN 978-5-17-113188-3

Книга знаменитого хирурга — это и медицинский де-
тектив, и точное описание жизни и быта людей советской
эпохи, и бесценное свидетельство мужества, самоотвержен-
ности и доброты врача. Федор Григорьевич пишет о своих
пациентах и реальных случаях из практики. В каждой строч-
ке чувствуется, как важна для него человеческая жизнь, как
упорно, иногда почти без надежды на успех, бьется он со
смертью.

Начав читать эту невероятную книгу, полностью осно-
ванную на реальных событиях, оторваться уже невозможно!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© «Издательство АСТ», 2019
© Фонд сохранения и развития
научного, литературного
и общественного наследия
академика Ф.Г. Углова

ISBN 978-5-17-113188-3

1 Точки отсчёта

1

Как-то мне позвонили из редакции «Правды»:

— У нас к вам просьба — проконсультировать и, если
будет нужно, положить в клинику нашего сотрудника. Вы,
наверное, слышали о Сергее Борзенко? Известный журна-
лист, писатель, Герой Советского Союза. Он сейчас нахо-
дится в правдинской больнице.

— Хорошо, завтра я собираюсь быть в столице и смогу
посмотреть его.

...В палате я увидел высокого, крепкого сложения
мужчину с добрыми, голубыми глазами. Пожимая мне
руку, он улыбнулся. И было в его облике, улыбке что-то
такое, что сразу располагало к нему, создавало впечатле-
ние, что мы давно знакомы. Однако у меня появилось
и чувство тревоги: настораживали напряжённость боль-
ного, частые глубокие вздохи. Одышка в покое — признак
тяжёлой сердечной и лёгочной недостаточности. Значит,
дело зашло далеко.

— Расскажите, что у вас болит и когда вы заболели? —
задал я стандартный вопрос, желая выяснить сущность
болезни и знать, как сам больной её представляет.

— В моём теперешнем состоянии никого винить нельзя,
кроме самого себя. Слишком небрежно относился к своему
здоровью, считал, что его ничем не сломить.

— Нет, Сергей Александрович! Болезнь сильнее любого богатыря, если только её недооценить и дать ей развиваться. С нею, как со всяким злом, надо бороться, пока она не укоренилась, не перешла в необратимую стадию.

О себе он поведал следующее.

Болен давно. Пожалуй, несколько лет, с временными облегчениями и частыми обострениями. Врачи признавали воспаление лёгких. Лечился в стационаре, но каждый раз, не закончив курса, выписывался, чтобы уехать куда-нибудь на длительный срок. То на Дальний Восток, то на Байконур, то на военные манёвры (интерес к армии не ослабевал ни на минуту). С повышенной температурой ему приходилось ночевать в палатках, под открытым небом. И неизменно — рецидивы воспаления лёгких.

Сомнения не было: картина хронической пневмонии.

Просматриваю снимки, анализы, внимательно выслушиваю пациента и отмечаю, что здесь предугадывается нечто более грозное, понять которое при беглом осмотре трудно. Необходимо тщательное обследование. И главное — надо правильно лечить пневмонию, чтобы после устранения её симптомов лучше могло выявиться основное заболевание.

Сергея Александровича перевезли к нам в Ленинград, в Институт пульмонологии.

В каждодневном общении перед нами открылась незаурядная личность — с цельным, мужественным характером при внешней застенчивости и великой скромности. И в необычайной для себя обстановке Борзенко не мог обходиться без дела (мы постарались создать ему условия для творческой работы), жил заботами и думами о человеке, шаг за шагом вникал в проблемы клиники.

— Кого вы сегодня оперируете? — спрашивал он меня, когда я утром заходил к нему в палату.

— Девочку Люсю, вы вчера с ней беседовали. Предстоит операция с аппаратом искусственного кровообращения.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста, если вам будет не трудно выстоять.

Позднее он долго говорил с матерью девочки и с ней самой.

Потом ещё не однажды — одиннадцать раз — присутствовал на моих операциях. обстоятельно разговаривал

с врачами, сёстрами, с родственниками больных. Всё записывал в блокнот.

Я любил приходить к нему в конце дня, когда в клинике становилось тихо.

Много услышал интересного.

Родился Борзенко в 1909 году в Харькове. Мать — учительница, отец — фельдшер. В пятнадцать лет остался круглым сиротой. Учился в фабзавуче харьковских трамвайных мастерских, работал электриком в депо. Закончил вечернее отделение городского электротехнического института. Рано начал писать стихи, сотрудничал в заводских многотиражках, пока не сделался постоянным корреспондентом областной газеты. Изъездил всю Украину, своими глазами видел свершения первых пятилеток, хорошо знал стахановцев Донбасса, строителей Днепрогэса. В двадцатилетнем возрасте, будучи уже зрелым по мысли, взялся за историко-революционную эпопею «Какой простор!», которую открыл роман «Золотой шлях», но опубликовал его только после победы над фашизмом.

Грянула Великая Отечественная война. Он добровольцем уходит на фронт в составе редакции армейской газеты «Знамя Родины» и, выполняя её задания, часто оказывается на самых ответственных участках боевых действий наших войск. С августа 1944 года — корреспондент «Правды». Вместе с передовыми частями Красной Армии 22 апреля 1945-го вошёл в Берлин.

В сборнике очерков «Герои битвы за Кавказ» есть материал, посвящённый самому Борзенко. Что же главное захотели отметить в нём товарищи? Лучше, чем они, я не скажу, а потому приведу цитату:

«Мужество журналиста на войне многомерно. Прежде всего нужна гражданская смелость, чтобы через газету говорить солдатам правду, какой бы она горькой ни была... Журналисту нужна и воинская отвага, потому что настоящий военный журналист пишет свои репортажи не с чужих слов, а с места событий... Он искал интересных встреч с интересными людьми, а они никогда не отсиживаются в тиши...

В первых же боях он убедился, что на войне надо быть прежде всего солдатом, а потом уже журналистом... И он учился быть солдатом. И стал им».

Сергей Александрович принимал участие в боях с немецкими танками, когда необходимо было развеять миф о непобедимости врага, ходил в рейды по тылам противника, вместе с разведчиками брал «языков», присоединялся к диверсионным отрядам, отправился с легендарным десантом на Малую землю и провёл там свыше полугода. Это он оставил нам такие строки: «Малая земля стала родиной мужества и отваги. Со всех сторон спешили сюда отчаянные души, горевшие неугасимой ненавистью к врагу. Тот, кто попадал на Малую землю, становился героем. Трусы или умирали от разрыва сердца, или сходили с ума. Здесь не было ни одного метра, куда бы не свалилась бомба, не упала бы мина или снаряд. Фашистские самолёты и пушки вдоль и поперёк перепахивали клочок земли, на котором не осталось ничего живого — ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Никого, кроме советских воинов». Плечом к плечу с ними сражался и Борзенко.

Он был награждён двадцатью боевыми орденами, не считая медалей. Первому среди журналистов и писателей ему присвоили звание Героя Советского Союза. Произошло это в 1943 году, когда освобождали Крым.

Мне довелось познакомиться с текстом наградного листа. Там говорится:

«В ночь на 1 ноября 1943 года писатель армейской газеты «Знамя Родины» майор С. А. Борзенко высадился с десантом 318-й Новороссийской стрелковой дивизии на крымской земле. В силу сложившихся обстоятельств ему пришлось руководить боем. Вместе с офицерами и солдатами С. Борзенко отбивал гранатами танки противника, которым удалось прорваться на 100 метров к командному пункту. Были дни, когда бойцам приходилось отражать контратаки противника по 17–19 раз, и всегда вместе с ними находился писатель С. Борзенко».

Текст скупой, без эмоций, что характерно для официальных документов. Куда больше поводов к раздумьям и восхищению человеческим духом даёт очерк самого Борзенко «Пятьдесят строк», где он вывел себя под именем Ивана Аксенова.

«Армия готовится к прыжку через Керченский пролив, и теперь понаедет уйма корреспондентов из фронтовой газеты, из Москвы. Только кто из них отважится идти с пер-

вым броском?» — раздумывал Аксенов незадолго до того момента, как его вызвали к редактору.

— Товарищи, получен приказ, — сказал редактор. — Одна из дивизий нашей армии должна форсировать Керченский пролив, ворваться на берега Крыма, захватить плацдарм. Кто из вас добровольно, — он с нажимом повторил, — добровольно пойдёт в десант?

Вызвался Аксенов. Среди сотрудников как-то само собой заходя решилось: в десант идти ему.

— Десант выходит в море завтра в полночь. Я оставляю майор, на первой полосе пятьдесят строк и не буду печатать газету, пока не получу эти пятьдесят строк... Понятно? Отправляйтесь в Тамань к полковнику Гладкову. Он назначен командующим десантом, — закончил редактор.

В Тамани Аксенов узнал, что полку, который будет осуществлять прорыв, придаётся батальон морской пехоты. Во всяком наступлении кто-то идёт первым; даже если наступает армия — сто пятьдесят тысяч человек, — кто-то идёт первым. Такая задача стояла перед батальоном моряков. А уже по их расчётам, мотобот с корреспондентом должен был причалить третьим. Однако во время операции два передних мотобота потопили вражеские снаряды, и суденышко с Аксеновым первым подошло к берегу, заносимому ослепительной метелью цветных трассирующих пуль...»

Сергей Александрович рассказывал мне:

— Едва достигли мы середины пролива, как фашисты, повесив ракет, обрушили на нас шквальный огонь из дальних и ближних орудий. Лишь немногие плавсредства достигли крымского берега — но и здесь нас обстреляли из окопов и оборонительных прибрежных укреплений. Зацепились на каком-то пятачке, огляделись. Оказалось, что среди высадившихся нет никого из командиров подразделений — или погибли, или не смогли пробиться. Из живых я самый старший по званию, и руководство операцией надо брать на себя. Отдаю приказ: «Резать проволоку! Приготовить гранаты!»

А вот — снова факты из очерка.

«На берегу, скользком от крови, корреспондент палил из автомата, бросал гранаты, дело дошло до пистолетной стрельбы, затем, вспомнив, что его задача — написать пятьдесят строк, с нетерпением ожидаемых в редакции, забежал в горящий дом и при свете пылающей крыши на разно-

цветных листках какой-то немецкой квитанционной книжки, попавшейся под руку, написал записку «Наши войска ворвались в Крым». Он описал всё, что увидел в бою, назвал фамилии двенадцати матросов, храбро сражавшихся рядом с ним. Записку завернул в тонкую противоипритную палатку, чтобы бумага не размокла в воде, отдал связному, и тот увёз её на последнем мотоботе, отчалившем на Тамань.

Опубликовав драгоценные сведения, газета «Знамя Родины» точно указала: «В ночь на 1 ноября. Берег Крыма (материал доставлен связным рядовым И. Сидоренко)».

Сведениям этим, как выяснилось позже, действительно не было цены. В штабе, на Большой земле, напряжённо ждали сообщений от десантников, а они всё не поступали. Рации не работали, их разбили, прорваться обратно сквозь сплошной огонь, видимо, никто не мог. О судьбе десанта неоднократно запрашивала Москва.

...Забрезжил рассвет, наступило утро, из тумана выглянуло бескровное солнце, осветило суда, понуро возвращавшиеся на таманский берег. К разбитому пирсу подошёл искромсанный снарядами сторожевой катер. С залитой кровью палубы поспешно снесли раненых, затем окровавленные тела убитых, бережно опустили мёртвого начальника переправочных средств Героя Советского Союза Сипягина. Последним, пошатываясь от горя, на берег сошел мокрый с головы до ног, бесконечно усталый Гладков, в отчаянии схватился за непокрытую голову, с тоской подумал: «Лучше бы меня убили».

— Товарищ полковник, вас просит к себе командующий фронтом...

...Подпрыгивая, «Виллис» мчался вдоль моря, мимо покрытых зелёными сетками тяжёлых батарей. Глядя на пушки и горы стреляных гильз, полковник внутренне содрогался. Если солдаты не зацепились за крымский берег — тысячи снарядов выпущены зря. Если?.. Он не мог ответить: зацепились или не зацепились? Из-за сильного огня катер, на котором он плыл в Крым, вынужден вернуться, вернулся командир полка, вернулись штабы.

Машина подошла к дому. У крыльца толпилась дюжина корреспондентов. Часовой, почтительно козырнув, открыл заскрипевшую дверь, и Гладков очутился в полутёмной комнате, среди военных разных рангов. За столом, завален-

ным картами и донесениями, в шинели, накинутой внапашку, сидел бритоголовый маршал Советского Союза.

— Вернулся? — укоризненно спросил он, не подавая полковнику руки.

— Так точно, — ответил Гладков.

— Высадились наши войска на крымский берег?

— Не знаю. — Гладков покраснел, готовый провалиться сквозь землю.

— А кто знает? — повысил маршал сорванный на телефонных разговорах голос...

— Видел на том берегу автоматные вспышки, слышал разрывы гранат, — сказал полковник.

— Твои люди высадились, а ты не смог, — сказал маршал и прикрыл выгоревшими ресницами серые, усталые глаза.

Гладков тоже закрыл глаза, и перед его внутренним взором возникло только что пережитое. Бурное, холодное море. Гибель судов, рвущихся не то на своих, не то на чужих минных полях. Плотная завеса заградительного огня, словно дождь, соединившая небо и землю, сквозь которую ничто живое не способно пробиться. Удар снаряда в катер, режущий свист осколков, напавал сразивших Сипягина и офицеров дивизии. Объяснять всё это маршалу не имело смысла. Полководец не понял бы его, как он сам не понял бы младшего по чину офицера, не выполнившего задания...

Вошёл дежурный офицер и отрапортовал:

— На проводе Ставка Верховного главнокомандования. Запрашивают: высадились ли наши войска в Крым?

— ...Москва ждёт, что я скажу?.. У моего дома собрались корреспонденты всех газет. Что я скажу? Что ты побоялся подойти к берегу? Да?

— Не знаю, что им сказать, — тихо проговорил Гладков. — Только я не боялся...

Скрипнула дверь, и в ней, как в раме, возник высокий молодой полковник. В поднятой руке его, словно голубь, готовый вырваться, белела газета.

— Ура, товарищи! Наши на том берегу!

Наступила пауза.

— А ты откуда знаешь, начальник политотдела? — с облегчением и недоверием спросил маршал.

— Как откуда? В газете написано.

— Постой-постой, в какой газете? Что написано?